

M
H48

14 АНДРЕЙ НЕКРАСОВ
Синее море

Издательство «Машин» 1966

М-
Н 48

всегда мечтаю о чём-нибудь. Это очень беспокойное дело — мечтать, и в детстве я так себя утешал:

«Вот сбудется мечта и станет спокойно...»

Потом я понял, что так не бывает. Сбудется одна мечта — на её место приходит другая. Та сбудется — приходит третья... А покой к тому, кто мечтает, никогда не приходит. И пускай не приходит! Без покоя, это я по себе знаю, можно прожить. А без мечты жить невозможно.

Много лет назад я был маленьким, и мечта у меня была маленькая. Я в то время мечтал о мячике.

И однажды сбылась моя мечта: подарили мне мячик.

Я весь день с ним играл, на ночь сунул его под подушку, а утром побежал к приятелю — хвалиться. Тут случилась беда: не сберёг я свой мячик, уронил с моста в воду, в Москву-реку.

Уронил и, конечно, заплакал.

Шёл тут матрос со звездой на фуражке, с винтовкой в руке, с гранатой на поясе. Остановился, хлопнул меня по плечу.

— Ты чего это, — говорит, — ревёшь!

— Мячик жалко...

— А где он, твой мячик!

— Вон, — говорю, — плывёт...

Приложил матрос ладонь к бескозырке, посмотрел на реку...

2023/8 14

— Эх, браток, — говорит, — чего же его жалеть! Отбыл твой мячик в дальнейшее плавание. К утру в Рязань придёт. Потом в Муром свернёт, туда, где нам сабли куют. Окой-рекой выйдет к матушке Волге. Там, может, к плоту прибьётся, а может, сам один поплывёт, на Симбирск поглядит, где Ленин рос. Пройдёт мимо Жигулёвских гор, где Степан Разин с царскими слугами бился. Пробежит мимо вольных степей, выйдет в Синее море. Понесёт его буря по большой воде, закачает на крутых солёных волнах... А ты — ревёшь! Не дрейфь, браток, не потонет твой мячик. Разве что заблудится где в камышах да сглотнёт его рыба Белуга или птица Бабура прихватит. Ну так и то не беда. Белуга долго ли, скоро ли — всё равно на крючок попадёт. А Бабура, та сунет твой мячик в мешок да птенцам отнесёт. Эко горе! Пускай птенцы поиграют. А ты подрастёшь пока. Может, сам туда соберёшься. Глядишь, и найдётся твой мячик. Завидовать ему нужно, а ты ревёшь. Эх, товарищ!

Ушёл матрос, и мячик уплыл. А мне и не жалко, и слёзы высохли. Стою, смотрю, как вода бежит, сам за водой так бы вот и пошёл. Захотелось мне в Синее море, в дальнейшее плавание: посмотреть, что за рыба Белуга, что за птица Бабура и какой такой у Бабуры мешок!

Проснулась во мне большая мечта. Я расту, и мечта растёт. Я гоню её от себя, а она меня гонит. Гонит в Синее море, в дальнейшее плавание.

Вот так и случилось, что стал я моряком.

Моряки — народ лёгкий. На месте им не сидится. Пошёл и я бродить по морям на больших кораблях. Большим кораблям — большое и плавание. Много чего я повидал. Видел птицу Фрегата — морского орла. Видел крошку птицу Колибри... Видел страшную рыбу Акулу и красавицу Летучую рыбку. Самого Кита в море видел... А вот рыбу Белугу и птицу Бабуру так нигде и не встретил.

Побывал я в тёплом Чёрном море и в холодном Белом море побывал. Жёлтое море проплыл из конца в конец и Красное море кругом обошёл... А в Синее Каспийское море большим кораблям дороги не было. А на малом корабле моряку делать нечего.

Только вот однажды были мы на большом корабле в дальнем плавании, в чужом заморском порту. Взяли груз, стали домой собираться.

Тут подходит заморский начальник.

— Эй, — говорит, — господин капитан, станете груз на речную баржу сгружать, вы смотрите поаккуратнее. А то от хозяина не досталось бы.

— А мы, — отвечает наш капитан, — своему добру сами хозяева. И груз нам переваливать незачем. Мы его до места доведём.

— Не получится по-вашему, — начальник говорит. — Географию плохо знаете. Идёт ваш груз в город Баку, в Каспийское море. А Каспийское море особенное: лежит оно среди гор и пустынь. На большом корабле пройти туда немислимо.

— Это так,— отвечает наш капитан.— Каспийское море особенное. Да ведь мы своему морю хозяева. Не было в Каспий морских дорог, а мы дорогу туда провели. Был наш Каспий солёным озером, а мы из него море сделали. Так что, не извольте тревожиться.

Закрепили мы груз по-походному. Якорь подняли и пошли к родным берегам.

Вот пришли мы в Неву. И по-старому тут бы наше плавание и кончилось. А по-новому — только начинается. Впереди ещё дальний поход, новый Волго-Балтийский водный путь от Невы до самого Каспия.

Непривычно моряку такой дорогой плыть: и вода не та — не солёная. И простор не тот — берега теснят. Зато весело: слева лес шумит, справа хлеб стоит. Внизу, у воды — стада лежат. Наверху, вдоль пути — провода бегут. Корабль наш спешит, торопится, с поездами гудком перекликается...

А мы смотрим да удивляемся: дел-то сколько понаделано! Где гора была — канал прорыт, где бежал ручёек — река течёт. Где болото стояло — море разлилось.

Вот так мы и до Волги дошли. Дальше идём, зорче глядим. Поклонились местам, где Ленин рос. Прошли мимо Жигулёвских гор, где Степан Разин с дружиной стоял. Сняли шапки у волжских твердынь, где наши славные воины шею сломали Гитлеру... Всю Россию прошли из конца в конец, и открылся перед нами Каспийский простор.

Раскачал нас ветер на крутой волне и пошёл гулять по широкой воде. Куда ни посмотришь — море кругом, синее-синее. Такое синее, что синее и быть не может.

Огляделся я и задумался: вот и давняя мечта сбывается! Синее море кругом шумит. Скоро с рыбой Белугой встретимся. Скоро с птицей Бабурой увидимся. А там, глядишь, и мячик найдём в камышах.

Долго я стоял на палубе, смотрел, как волны катятся. Вдруг гляжу — из моря мачты встают, над волнами всё выше поднимаются. Это значит, корабль навстречу идёт. Нас оттуда, с корабля, увидели, флаги на мачте подняли.

Распустились флаги, трепещут на ветру, точно крылья чудесных бабочек — и жёлтые, и белые, и синие. Тот в клеточку, тот в полоску. Такими цветными флагами корабли ведут морской разговор. Капитан наш поднял бинокль к глазам, вслух читает, что флагами написано:

— Откуда идёте? Далеко ли путь держите?

Тут и мы цветные флаги подняли. Распустились флаги, трепещут на ветру. Кто не знает — посмотрит, подумает: «С чего это корабль украсился! День-то вроде не праздничный!» А кто знает, прочтёт как по-писаному: «Идём из заморских стран, везём груз в город Баку. Какие на Каспии новости!»

«Новостей у нас столько, — отвечают те, — что и флагов не хватит обо всем рассказать. А в Баку пойдёте — поглядывайте: в море нынче островов прибавилось, а на карту не все ещё положены... Счастливого плавания, товарищи!»

Ушёл корабль, пропал за кормой. А мы дальше идём, вперёд глядим. Видим, горы над морем встают. Подошли поближе, город в горах. Блестит на

солнце, переливается. Будто жемчуг рассыпан в распадке гор. А под городом море плещется, а в море острова стоят.

Каких я только островов не видал: и скалистые, и песчаные, и покрытые вечным холодным льдом, и тёплые, вечнозелёные... А таких островов, как на этот раз, я в целом мире нигде не встречал.

Нет на них ни воды, ни травы, ни земли, ни камешка. Острова эти из стали скованы и на морское дно поставлены. Над каждым островом башня стоит, над каждой башней поднят красный флаг, и на каждом острове живые люди есть.

Вот проходим мы мимо острова. А я ладони трубой сложил:

— Эй, отшельники, — спрашиваю, — вы чего это в море жить собрались! Или вам на земле места нет! Или вам на земле делать нечего!

— Места, — отвечают мне, — у нас вокруг Каспия вольные. Мы, моряк, не отшельники, мы нефтяники. Мы здесь не живём, мы работаем. Товарищи на берегу стараются, а мы со дна моря нефть достаём. Для этого и острова построили...

Миновали мы стальные острова. Подошли к причалу, якорь бросили. А на пристани людей не видать. Ни грузчиков, ни крючников. Встречает нас одна девушка.

«Вот, — думаем, — славно получается. Разгружать нас, похоже, не скоро начнут. А мы пока постоим, отдохнём, с этой девушкой побеседуем...»

Только смотрим: пропала наша девушка. Загремел, заворочался подъёмный кран. Подошёл, наклонился, в трюм заглядывает, железные руки протягивает.

Не успели мы трубки табаком набить — весь заморский груз на причале лежит. Не успели мы пепел выколотить — наши трюмы новым грузом полны. Значит, в море пора. А уходить не хочется.

Вот я кверху глянул.

— Эй, на кране! — кричу. — Кто там командует! Вы куда это так торопитесь!

Вдруг спускается с крана эта девушка.

— Командиром тут я, — говорит, — а торопимся потому, что у нас время дорого. Обещали мы корабли в порту не задерживать. Поднимайте якорь, товарищи. Вон ещё пароход с моря идёт, на ваше место становится.

Тут уж спорить не приходится. Закрепили мы груз по-походному, якорь подняли, в море пошли. На другую сторону Каспия.

Идём, спешим. На карту глядим. А над морем уже ночь спускается. Маяки нам огнями подмигивают, безопасную дорогу показывают.

Вышел я на палубу. Темно кругом. А в море, гляжу, рыбаки собрались. С бортов у них сети спущены, а под бортом море светится.

Всяких я рыбаков видал. Сам и сетью ловил, и неводом, и крючковой сетью, и удочкой. А такого ещё не видывал. Так при мне ещё нигде не рыбачили.

«Что же, — думаю, — они тут делают? Не иначе, Белугу взялись ловить».

— Эй, — кричу, — рыбаки! Вы не рыбу ли Белугу ловите!

— А тебе, — отвечают мне рыбаки, — никак белужины хочется! Нет, Белугой мы не занимаемся. Мы тут Кильку освещать задумали.

— Это как же так, Кильку освещать!

— А так, — говорят, — электричеством. Килька-то рыба мелкая, а тоже

вкусная да жирная. Только больно она глупая: по сотне, по тысяче в сеть идёт. А нам так ловить её некогда, у нас все минуты сосчитаны. Вот мы и придумали: опускаем в море яркий фонарь, на свет килька миллионами собирается. А тут её сеть дожидается. Давай, моряк, подставляй ведро. Мы тебя свежей килькой попотчуем, а белужину в другой раз попробуешь.

Утром кок наварил нам из кильки ухи. Товарищи едят, похваливают, а сами вперёд посматривают: не открылся ли берег Азии!

Вдруг встают над морем две белые горы. Вершинами в небо упираются, горят на солнце, как белый снег...

Вот мы тут и призадумались: места эти нам незнакомые, а на карте горы не помечены. Может, якорь бросить да шлюпку спустить! На берег послать — про горы спросить! Так бы оно поспокойнее. Да ведь нам время дорого. Обещали мы полным ходом идти, в море груз не задерживать.

Тут поднялся на мостик сам капитан.

— Что же,— говорит,— вы задумались! Почему ход убавили! Или в карте сомневаетесь, или маякам не верите! Карта верная, маяки — надёжные. А если берега меняются, так нам с вами удивляться не приходится: мы и море и сушу передельываем, устраиваем, как поудобнее. Если тут эти горы выросли, значит, их для дела поставили.

Капитан сам у штурвала встал, дал команду: «Самый полный, вперёд!» — и повёл наш корабль прямо к этим горам.

Встали мы, сложили груз на пристани. Вышли на берег, подошли к горам, поглядели и всё поняли: одна гора из хлопка сложена. Эту гору здешние

жители своими руками вырастили, собрали в полях по коробочке и сложили тут, на морском берегу.

А другая гора — морская соль со дна залива Кара-Богаз. Если эту соль с песком смешать да на жарком огне добела раскалить — песок, точно вода, расплывётся, а застынет — стекло получится...

Погрузили мы в трюмы морскую соль, погрузили хлопок в тугих тюках, закрепили груз по-походному, якорь подняли и дальше пошли.

Идём, спешим, на карту глядим. За кормой вода кипит, длинный след в волнах теряется, а вдали, над низким берегом, две горы стоят, в небо головами упираются, горят на солнце, как факелы.

Вот, я вижу, по морю плывут рыбаки. И сети у них хорошие, и корабли исправные... А рыбачат они удивительно: опускают в море сеть — сеть полна. Поднимают сеть — в сети нет ничего.

Вот я встал повыше на палубе, ладони трубой сложил:

— Эй, — кричу, — рыбаки! Вы не рыбу ли Белугу ловите!

— А с чего ты взял, что мы рыбаки! Нам самим белужины хочется. Только нам её ловить некогда. Мы тут, милый человек, пасём рыбы стада. Обещали мы побольше рыбы вырастить, пожирнее рыбу выкормить, а кормов не хватает на Каспии. Собрали мы корм на других морях, сюда на самолётах доставили, а теперь выпускаем на мелких местах. Подрастёт, приживётся рыбий корм, там, глядишь, и рыбы прибавится.

Пока мы вели такой разговор, тюлень из воды морду выставил, лапами тихонько подгрребается, к нам поближе подбирается, нашу беседу подслушивает.

Тут морской пастух пригрозил ружьём и сказал тюленю строго-настрого:

— Тебя, байбака, не хватало тут. Для тебя мы, что ли, стараемся? Иди в море, гуляй до весны. Шубу береги да сало копи. А весна придёт — на льду встретимся, с тебя, обжоры, шубу сдерём, из твоей шкуры ранец сошьём, а из сала будем мыло варить.

Не понравился тюленю такой разговор. Кувыркнулся он и в море поплыл. Тюлень в море поплыл, а мы — к берегу. Идём, спешим, на карту глядим, к устью Волги приближаемся.

2023/8

Синее море кругом обошли, повидали в море разных чудес, повстречали хороших людей, узнали каспийские новости. А рыбу Белугу не встретили, и птицу Бабуру не видели, и мячик мой нигде не нашли...

Идём, а у берега в камышах лежит на воде Пеликан-великан. Вроде белого плавучего острова. А на нём, на спине, Баклан сидит, точно чёрный всадник на белом коне. Тут они вместе охотятся, промышляют рыбу в мутной воде.

Пеликан-лентяй не шевелится. А Баклан жадным глазом сверху глядит, от жадности ногами притопывает. Увидит рыбину — за ней кидается. А съесть-то не может — по горло сыт.

А лентяй-Пеликан тянет красный нос, рыбину в зоб укладывает, а сам побрякивает, Баклана-жадюгу подзадоривает: «Крэк-уэк... Рыба в нашей воде кормится. А ты, Баклан, сторож плохой. Уж я бы нырнул, я бы ей показал...»

Баклану давно пора отдохнуть, да глаза у него завидушие, а тут ещё Пеликан раздражил. Вот Баклан в море кинулся, схватил рыбину и удивляется: рыбина попалась незнакомая. Пеликан уже клюв раскрыл, так и этак примеряется, а рыба в зобу не умещается.

Тут Баклан с Пеликаном поссорились. Один кричит, и другой кричит, крыльями машут, ругаются. А рыба слушала-слушала, потом пёрышки, как крылья, расправила, чешуёй блеснула и в море ушла... Баклан с Пеликаном пошумели ещё и разлетелись в разные стороны. А мы дальше пошли.

Места тут начались богатые. Куда ни помотришь — невода стоят, сети плывут, паруса бегут... Повсюду рыбаки стараются.

Вот, я вижу, они невод забросили. Только что-то у них не ладится: невод в воду не погружается, как стена, над морем стоит. Им бы невод выбрать, да выстелить, да груза прибавить на нижний край, а они работают, будто ничего и не заметили.

«Что же, — думаю, — они здесь делают? Рыба-

то по воздуху не плавают, а летучая рыба тут не водится. Уж не птицу ли Бабуру ловить собрались!»

Вот я ладони трубой сложил.

— Эй, — кричу, — товарищи, вы не птицу ли Бабуру ловить собрались!

Засмеялись рыбаки на мои слова.

— Ты, моряк, как малое дитя. С Бабурой нам баловаться некогда. Мы из этого возраста выросли. Ловим мы Кефаль черноморскую. В нашем море её прежде не было. Мы её на самолётах привезли и пустили гулять по Каспию. Привыкла Кефаль к нашей воде. Видно, наше море ей понравилось. Теперь она несметными стаями путешествует по Синему Каспию. Только рыба она больно шустрая. Не то что Килька глупая, не то что Вобла ленивая, не то что Белуга сонная. Простым неводом её не возьмёшь: она через невод перескакивает.

Тут я вижу: из моря рыба вырвалась, сверкнула серебряной молнией, как на крыльях, пролетела по воздуху, да с разгона в сеть ударилась. За ней другая, третья, четвёртая... Вся вода засверкала живым серебром, как большое разбитое зеркало. А рыбаки уже невод стягивают, к берегу улов пританивают.

Капитан наш стоял на мостике. Смотрел-смотрел, да как расхохочется:

— Вспомнил я, — говорит, — рыбаков-чудаков, как их черноморская гостя отдала. Перессорила старых разбойников, у Баклана из-под носа ушла и Бабуру за длинный нос провела.

Засмеялись все на эти слова. А я, сказать по-правде, расстроился: значит, это Бабура была. Значит, здесь Пеликана Бабурой зовут.

Столько лет я Бабуру искал, а довелось в море встретиться — я её и в глаза не узнал, и какой у неё мешок не видал, и не знаю, где её гнездо искать и где её птенцы живут...

А тут и плавание наше кончилось. Корабль подходит к берегу, загудел, повернулся бортом к пристани. Вот мы якорь бросили. Вот спустили сходню на берег...

Сошёл я. Стою. На море гляжу. «Может, — думаю, — Бабура прилетит».

В небе чёрная точка обозначилась. Приближается, разрастается. Побелела, засверкала в лучах.

Никак, Бабура с моря летит! Так и есть: Бабура летит!

Только, вижу, не я один Бабуру жду. Женщина рядом стоит, тоже в небо глядит...

Посмотрел я на небо... Вот тебе и раз: никакая не Бабура, простой самолёт! Летит над морем, снижается, сделал круг и сел у самой пристани.

Из кабины пассажиры сходят на берег — моряки с далёких морских промыслов. И среди рыбаков — мальчик в курточке, с ясными золотыми

пуговицами, в морской фуражке, в морских сапогах, а в руках у него камышовая кошёлочка.

Женщина к мальчику бросилась, а он, как взрослый, поздоровался и начал баском рассказывать:

— Я, мамка, один прилетел. А папка следом плывёт, улов везёт. Я там, мама, птицу Бабуру видал, а папка рыбу Белугу поймал. Здоровенную, на тысячу килограммов. Насилу мы с ней управились.

Хорошо там у папки на промысле. Комары немножко кусаются, ну да я теперь к комарам привык. Уезжать не хотелось, да что поделаешь: завтра в школе занятия начинаются. Мне уроки никак нельзя пропускать... Да, я ещё чего забыл сказать: вот мы с папкой что в камышах нашли! Мы к нему антенну приделаем и запустим вместо спутника...

И, смотрю, из кошёлки мячик достал. Вроде мой мячик, а может, и не мой. Мячики-то все круглые...

А мечты у людей — у всех разные.

Я вот о синем море мечтал... А он у самого моря живёт, с рыбаками промыслять ходит запросто. В школу он на самолёте прилетел. В камышах птицу Бабуру видал. Отцу помогал Белугу ловить...

Тревожат его большие мечты. Большие дела у него впереди... А пока пускай играет с мячиком.

Иллюстрации Ю. Захаров

20 коп.

ДЛЯ СТАРШЕГО
ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА
Андрей Сергеевич НЕКРАСОВ
СИНЕЕ МОРЕ

Редактор Л. Архарова
Художественный редактор Д. Пчёлкина
Технический редактор Л. Власенко
Корректоры Н. Пьяикова и Н. Сендерова
Подписано в печать 15.11.66. Бумага офсетная № 1.
Формат 60х104/8 Печ. л. 3 Усл.-печ. л. 3,46 Уч.-изд. л. 2,67
Тираж 100 000 Изд. № 1005 Заказ 108
Издательство «М А Л Ы Ш»
Комитета по печати при Совете Министров РСФСР
Москва, А-55, Бутырский вал, 68
Калининский полиграфкомбинат детской литературы
Росглаволиграфпрома Комитета по печати
при Совете Министров РСФСР. Калинин,
Мигаловское шоссе, 8.